

ОБЩАЯ ДИСКУССИЯ ПО ПРИОРИТЕТУ

Материал поступил в редакцию 03.12.2018 г.

Принят к публикации 25.12.2018 г.

Ключевые слова: А.Е. Суринов, В.Я. Белокреницкий, И.С. Семененко, И.Д. Звягельская.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-5873894413-415>

РУКОВОДИТЕЛЬ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ А.Е. СУРИНОВ

Федеральная служба государственной статистики (Росстат) очень тесно взаимодействует с экспертным сообществом и с академической наукой, прежде всего с экономистами, социологами и демографами. Кроме того, с периодичностью раз в 10 лет, когда наше ведомство приступает к подготовке очередной всероссийской переписи населения, мы обращаемся к этнографам и лингвистам, поскольку должны выяснить этническую и лингвистическую структуру российского общества. Большую поддержку в этой работе нам оказывают, в частности, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

На первый взгляд может показаться, что нет ничего проще, чем опросить людей, задавая вопрос "кто вы по национальности?", а затем, обработав эту информацию, получить картину этнического состава населения России. В 1897 г. при проведении первой в Российской империи всеобщей переписи под руководством П.П. Семёнова-Тян-Шанского этот вопрос не задавался, он появился в 1920 г., когда перепись готовили под руководством В.И. Ленина. Тем не менее этнический состав Российской империи в конце XIX в. был установлен. Каким образом? Этническая принадлежность определялась по трём признакам — месту рождения, языку, который опрашиваемый считал родным, и религиозной принадлежности.

Если в 1897 г. посчитали, что спрашивать о национальности не следует, то начиная с 1920-х годов этот вопрос задаётся регулярно. Но что он нам даёт? Сравнивая этническую карту России за 1989 г., когда ещё существовала РСФСР, и картину, полученную по результатам первой в современной России переписи 2002 г., обнаруживаем, что доля русских сильно сократилась, доля тех, кто не определил свою национальную принадлежность, заметно возросла, появилось много людей, не относящих себя ни к одной из титульных национальностей. При сопоставлении результатов переписей 2002 и 2010 гг. получаем обратную тенденцию: доля русских опять растёт, достигая уровня 1989 г. Как объяснить эти показатели — миграцией,

динамикой смертности и рождаемости? Причина не только в этом, но и в самооценках, разнящихся от переписи к переписи. Эти самооценки подвержены разным влияниям — политическим, социальным и т.д. Например, то, что численность казаков в 1920 г. по сравнению с 1910 г. сократилась в 2 раза везде, за исключением Дагестана, где она выросла, объясняется активностью местного атамана.

Подобные процессы характерны и для других обществ с изломанной судьбой. Приведу в качестве примера Чехию и социалистическую Чехословакию. Национальная структура Чехии претерпела схожие метаморфозы: перепись 1980 г. выявила, помимо чехов и словаков, весьма незначительное число представителей других народностей, а в 1991 г. по итогам первой переписи в независимой Чехии обнаружилось резкое сокращение числа чехов, ещё более резкое — словаков, и значительный рост доли моравского населения. В 1991 г. увеличилась и доля людей, которые не захотели определить свою национальность, а в ходе последней переписи 2011 г. (в Евросоюзе переписи проводят в годы, оканчивающиеся на единицу) таких было уже более четверти.

Российские статистики сталкиваются с постоянно меняющейся самооценкой граждан и обусловленной этими изменениями подвижной картиной этнического состава нашей страны каждые 10 лет. Россия — страна многонациональная и полилингвистическая, а перепись населения — единственный легитимный источник данных об этнической и лингвистической структуре российского общества. Росстат рассчитывает на сохранение того давнишнего сотрудничества, которое сложилось у нас с Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, потому что прикладные исследования невозможны без прояснения целого ряда фундаментальных вопросов, а динамичный характер изучаемых процессов требует снова и снова искать ответы на эти вопросы с учётом новых реалий.

ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК В.Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ

Предложенный академиком В.В. Наумкиным нетрадиционный подход к изучению этнополитических конфликтов чрезвычайно перспективен, однако если

перейти с глобального межгосударственного уровня на внутриполитический, обнаруживается, что политический конфликт на этнической основе в чистом виде встречается достаточно редко, а если он случается, то ведёт к очень серьёзным последствиям.

Опираясь на исторический опыт последних десятилетий, можно выделить две модели разрешения этнополитических конфликтов – шри-ланкийскую и непальскую. Конфликт между сингалами и тамилами в Республике Шри-Ланка может служить классическим примером этнополитического противостояния. Он растянулся более чем на 25 лет, приведя к гибели около 100 тыс. человек, и завершился весной 2009 г. полным разгромом тамильских сепаратистов, стремившихся к созданию отдельного государства на северо-востоке острова. Но такой исход, как безоговорочная победа одной из сторон, в истории послевоенных внутренних конфликтов наблюдается лишь в исключительных случаях. Большинство конфликтов (согласно представительному исследованию одной из международных исследовательских организаций около 100 ситуаций такого рода) завершилось компромиссом – уступками и с одной, и с другой стороны. В частности, выполнение основных требований оппозиции и самороспуск вооружённых сил положили в 2006 г. конец конфликту в Непале, другой южноазиатской стране.

Близким к непальской модели может стать урегулирование затяжного конфликта в Афганистане. В афганской ситуации этнический фактор легко опознаётся, однако он сублимирован, и в целом конфликт носит идеолого-политический характер и окрашен в тона, свойственные для афганского полупатриархального общества. Кроме того, в отличие от непальского афганский конфликт имеет многоуровневое внешнее измерение – региональное и глобальное. По общему мнению, время для его радикального решения путём ослабления и вытеснения талибов, как это происходит в настоящее время с запрещённым в России ИГИЛ, безвозвратно упущено. Потеря контроля на местах делает необходимым урегулирование посредством переговоров и вовлечения талибов в легальный политический процесс. Именно на этом направлении российская дипломатия добилась несомненного успеха, организовав в начале ноября 2018 г. в Москве многосторонние переговоры с участием представителей талибов и афганского правительства.

В заключение коснусь ещё одной темы, затронутой В.В. Наумкиным, – проблемы этнонациональных групп, которым не удалось создать собственную государственность. При определённых условиях кризис наций и государств может вновь поставить на повестку дня вопрос о борьбе за государственное самоопределение таких групп, и речь идёт не только о курдах и палестинских арабах. Подобные процессы способны значительно усугубить нестабильность миропорядка, обостряя положение прежде всего

в таких очагах этой нестабильности, как юг Евразии, Ближний и Средний Восток. Если подобный сценарий реализуется, отечественные политики, дипломаты и академическое экспертное сообщество столкнутся с новыми вызовами и дилеммами.

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН И. С. СЕМЕНЕНКО

Перспективы ответа на большие вызовы определяются той средой, в которой формулируются и реализуются эти ответы. Особенности самой среды зависят от восприятия больших вызовов: понимание угроз, рисков и возможностей отражается в структуре личностных и групповых идентичностей, проецируясь на социальные процессы.

Важнейшим социальным ресурсом эффективного ответа на большие вызовы выступает преодоление кризиса идентичности, что может быть достигнуто на основе позитивного видения будущего, нацеленности человека и сообщества на развитие и формирования того, что мы называем "идентичностью развития". Без понимания личностных и общественных перспектив достойно ответить на большие вызовы вряд ли удастся.

Плодотворной как для России, так и для всего мира в этом контексте является концепция "ответственного развития". Её мы определяем как систему координат, в которой можно продвигаться в решении ключевых вопросов общественного развития на разных уровнях организации социума. В основании ответственного развития – нравственная мотивация избираемых приоритетов, вовлечённость граждан в принятие и реализацию решений и её политико-институциональное обеспечение, опора на возобновляемые (нематериальные, интеллектуальные) ресурсы в производстве и потреблении. Ответственное развитие предполагает стратегическое видение развития и взаимодействие его субъектов – государства, гражданских организаций, образовательного и научного сообществ, бизнеса, информационных и аналитических СМИ. Такой подход требует постоянной настройки институтов на основе долговременного прогнозирования социально-экономических и политических процессов. Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН уже не первое десятилетие готовит прогнозы такого рода, меняя их структуру и вводя новые ракурсы в соответствии с меняющейся повесткой дня.

Приоритетной проблемой оказывается реализация названной модели в условиях растущих потребностей людей и радикально меняющейся культурной нормы, что характерно как для мира в целом, так и для нашей страны. Одна из важнейших задач на этом направлении – формирование общего интеллектуального и культурного пространства России, в частности, через осуществление масштабных образовательных проектов, о ко-

торых упоминал академик А.А. Дынкин. Сегодня у нас нет площадок для взаимодействия регионов, нет даже общего музейного пространства, в котором было бы представлено культурное разнообразие народов России, а главное, позитивный взгляд на будущее, сочетающий национальные традиции и инновационный подход к социальному развитию. Поэтому налаживание горизонтальных связей посредством образовательных проектов, научно-исследовательских программ, экспертных платформ, информационных сетевых ресурсов относится к числу тех задач национального развития, решение которых в первую очередь должна взять на себя Российская академия наук.

В заключение подчеркну: наука — важный участник того, что можно назвать "борьбой за идентичность". Полноценная вовлечённость в эту "борьбу" предполагает представление в публичном пространстве результатов научных исследований, информирование о возможностях их использования, в том числе через просветительскую деятельность, в формах, отвечающих потребностям завтрашнего дня. Только так можно преодолеть тот барьер между наукой и обществом, который выражается в заниженной оценке важности научного знания в общественном мнении, и помочь в преодолении страхов, лежащих в основе кризиса идентичности.

ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК И.Д. ЗВЯГЕЛЬСКАЯ

Почему использование существующих инструментов урегулирования конфликтов не приводит к желаемым результатам? Потому что многие из них устарели. В последнее время справедливо говорят о необходимости реформирования ООН, поскольку эта организация была создана не для урегулирования современных конфликтов, в основном протекающих внутри одного государства. Главной задачей ООН мыслилось разрешение или, по крайней мере, стабилизация межгосударственных конфликтов.

Сегодня конфликтные ситуации подвергаются воздействию главным образом со стороны разного рода коалиций или ответственных за защиту стран, в том числе в рамках гуманитарных интервенций. Такие коалиции или отдельные страны

могут обращаться в ООН за мандатом, а могут прекрасно обходиться и без него, яркий пример тому — Ливия. В подобной ситуации эффективность многосторонних действий в формате ООН вызывает всё больше сомнений. На смену этому формату, как утверждают многие эксперты, приходят односторонние действия. Сейчас все говорят о президенте США Д. Трампе, о том, сколь резкие и неожиданные шаги он предпринимает. Если рассматривать палестино-израильское противостояние, то это и перенос посольства в Иерусалим, и отказ финансировать Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), которое занимается предоставлением социальных услуг палестинским беженцам в Сирии, Ливане, на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа.

Однако в случае с Д. Трампом сложно судить, что является причиной предпринимаемых им мер — личные качества, или то, что он, прямо скажем, не очень профессионален в области международной политики, или же, действительно, осознанный переход к односторонним действиям. Я полагаю, что хоронить многосторонние действия пока рано, однако они должны быть дополнены большим сотрудничеством с региональными державами, которые сейчас активно выдвигаются на первый план международных отношений и всячески участвуют в конфликтах и в "прокси-войнах" как на Ближнем Востоке, так и в других очагах напряжённости. Данная стратегия вместе с тем имеет существенные ограничения, поскольку региональные лидеры руководствуются главным образом рациональным эгоизмом и не очень настроены на совместные действия внутри региона. А значит, всё равно необходим какой-то катализатор, как правило, внешний фактор. В качестве примера взаимодействия, стимулируемого со стороны внешнего участника, можно привести астанинский формат, в рамках которого Россия ведёт переговоры с Ираном и Турцией. Но и этот формат при всей своей плодотворности не устраняет основной проблемы — того, что и Турция, и Иран имеют различные интересы. Они будут стремиться закрепиться в послевоенной Сирии, соперничая друг с другом и уже не нуждаясь в тесной кооперации с Россией.

GENERAL DISCUSSION ON PRIORITIES

Received: 03.12.2018

Accepted: 25.12.2018

Keywords: A.E. Surinov, V.Ya. Belokrenitsky, I.S. Semenenko, I.D. Zvyagelskaya.